

О. А. ВАЛЬКОВА

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ: Н. М. СУББОТИНА И «ИСТОРИЯ КОМЕТЫ ГАЛЛЕЯ»

До того заморили меня астрономы своей сухостью, просто душа больше ее не выносит! Мы с Вами должны постараться [...] дать почувствовать «душу живую» – в астрономии!

*Субботина Н. М. Из письма к Н. А. Морозову.
31 октября 1909 г.*

В начале наблюдений она представляла, по истине, великолепное зрелище: 12/25 V казалась еще очень близка к земле, – она как бы висела в воздухе, на подобие лучистой паутинки, 14/27 это была уже величественная, блестящая, но далекая гостья, вся окутанная волнами серебряного тумана, а 17/30 было уже видно, что она снова уносится в далекие небесные пространства, все слабее и день ото дня становясь прозрачнее.

Субботина Н. М. Наблюдения кометы Галлея в 1910 г. // Известия Русского астрономического общества. 1914. Вып. XIX. № 9. Февраль. С. 274.

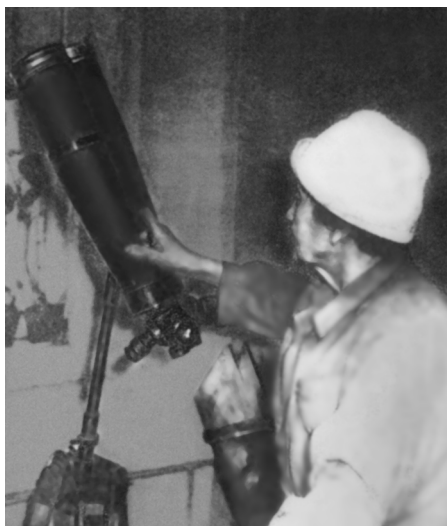
В статье впервые проведена реконструкция ранних этапов биографии известного астронома-любителя Нины Михайловны Субботиной (1877–1961), в том числе история получения ею высшего образования, ее взаимоотношений с представителями профессионального астрономического сообщества, формирования научных интересов молодого ученого, а также ее научной деятельности в 1900-е гг. Особое внимание уделено работе Субботиной над монографией «История кометы Галлея» (1910), удостоенной премии Русского астрономического общества. Помимо этого в статье затронуты вопросы истории высшего женского образования в Российской империи в 1900-е гг. XX в., положения и самоидентификации женщины-ученого в профессиональном научном сообществе. Статья основана преимущественно на ранее неизвестном и не введенном в научный оборот архивном материале, в том числе данных личной переписки Субботиной с выдающимися отечественными учеными и общественными деятелями.

Ключевые слова: Н. М. Субботина, женщины-ученые, история астрономии, комета Галлея.

Занимаясь в течение ряда лет изучением биографии крупного отечественного ботаника, члена-корреспондента Петербургской академии наук Ольги Алек-

сандровны Федченко¹, мы пытались реконструировать круг ее общения: профессионального, дружеского, личного; и, прежде всего, выявить ее научные связи. Среди обширной переписки, сохранившейся в личном фонде Федченко в Петербургском филиале Архива Российской академии наук, наше внимание привлекла коллекция из 75 писем, датированная 1902–1916 гг., написанных Ниной Михайловной Субботиной².

Имя Субботиных часто мелькает в переписке Ольги Александровны с сыном, Борисом Алексеевичем Федченко³: Субботины владели имением Собольки, расположенном неподалеку от Ольгино, имения семьи Федченко, в Можайском уезде Московской губернии. Проводя летние месяцы в своих владениях, члены обоих семейств по-соседски общались друг с другом. Не раз Ольга Александровна замечала, сообщая сыну о своей жизни в Ольгино, что кто-то из Субботиных был у нее в гостях⁴, что кого-то из них она угощала клубникой⁵ и пр. На первый взгляд, Ольгу Александровну связывали с Субботиными обычные соседские отношения, не имеющие касательства к истории науки. Однако в одном из писем, датированном 3 мая 1910 г., Ольга Александровна вдруг написала: «По части умного – получила сегодня книжку Нины [Субботиной]»⁶. Эти слова нас заинтересовали. Оказалось, речь шла о только что вышедшей книге Субботиной «История кометы Галлея»⁷, получившей вскоре премию Русского астрономического общества и до сегодняшнего дня используемой в научных трудах по истории астрономии, истории христианства и др.⁸ Любая научная

Н.М. Субботина на восьмидесятом году жизни

¹ Ольга Александровна Федченко (1845–1921) – ботаник-систематик, флорист, член-корреспондент Императорской Академии наук по биологическому разряду Физико-математического отделения с 2 декабря 1906 г.

² Субботина Н. М. Письма. О.А. Федченко. 1902–1916 гг. // Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 1–140.

³ Борис Алексеевич Федченко (1872–1947) – ботаник, путешественник, профессор Ленинградского университета, заслуженный деятель науки РСФСР.

⁴ Письмо О. А. Федченко к Б. А. Федченко 11 июня 1907 г. // СПбФ АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 140.

⁵ Письмо О. А. Федченко к Б. А. Федченко 3 июля 1907 г. // Там же. Л. 164–164об.

⁶ Письмо О. А. Федченко к Б. А. Федченко 3 мая 1910 г. // Там же. Л. 372.

⁷ Субботина Н. М. История кометы Галлея (с картой, рисунками и фотографическим снимком кометы). СПб, 1910.

⁸ См., например: Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси // Историко-астрономические исследования. Вып. 8 (<http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/svyatsky.htm>); Рапов О. М. Когда же родился и был распят Иисус Христос? // Историко-архивный институт. М., 1994. Вып. 24. С. 274–288; Рапов О. М. Иисус Христос в документах истории / Сост., статья и комм. Б. Г. Деревенский. СПб., 2001 и др.

монография, не устаревшая за сто лет, заслуживает, как нам кажется, внимания историка науки, также, впрочем, как и ее автор.

К моменту выхода книги в свет Субботиной шел 33 год (она родилась 25 октября 1877 г.)⁹. Несмотря на то, что к 1910 г. в Российской империи было уже достаточное количество женщин, имевших как свидетельства об окончании Высших женских курсов, так и дипломы, и даже научные степени зарубежных университетов, Нина Михайловна не принадлежала к их числу¹⁰. Таким образом, будучи еще очень молодой (для ученого), не имея никакого официального статуса и являясь, помимо всего прочего, женщиной, т. е. человеком, ущемленным в его основных правах (в соответствии с имперским законодательством), Субботина смогла добиться признания и заслужить уважение со стороны научного сообщества. Более того, всего этого она добилась еще до выхода книги. Так, Сергей Константинович Костинский (1867–1936), в январе 1913 г.¹¹ по просьбе Русского астрономического общества писавший отзыв на книгу Субботиной, заметил:

...следует в высшей степени приветствовать тот факт, что совет Р. А. О. (Русского астрономического общества. – О. В.) обратил свое внимание на работы такой искренней любительницы Астрономии, как Нина Михайловна Субботина, уже много лет бескорыстно и преданно служащей науке о звездах и принесшей ей немалую пользу¹².

Действительно, астрономия, наблюдения за звездами составляли смысл жизни Субботиной. Через много лет, 12 декабря 1930 г. она писала Костинскому:

На днях я была на засед[ании] в память Кеплера и вспомнила Ф. А. (Федор Александрович Бредихин (1831–1904). – О. В.) и свою юность, полную такой глубокой любовью к Астрономии и стремлений к научному изучению ее¹³.

Это увлечение уходит корнями в детство Нины Михайловны. М. Н. Неуймина, знавшая ее либо лично, либо по рассказам близкого человека, в своем очерке-воспоминании «Памяти Н. М. Субботиной» писала, что та заинтересовалась астрономией еще девочкой, «разглядывая со своей постели ночное небо и беседа с отцом о звездах»¹⁴. О том, что интересом к астрономии она

⁹ *Субботина Н. М.* Автобиография. Не ранее 5 ноября 1936 г. // Архив РАН (АРАН). Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 45.

¹⁰ В своей поздней автобиографии Н. М. Субботина отмечала, что окончила в 1909 г. Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (см.: *Субботина. Автобиография...*), но получила ли она свидетельство об их окончании, неизвестно.

¹¹ Через два с половиной года, 28 ноября 1915 г., С. К. Костинский был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук по математическому разряду Физико-математического отделения.

¹² *Костинский С. К.* Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной. Январь 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.

¹³ *Субботина Н. М.* Письмо к Костинскому С. К. 12 декабря 1930 г. // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 118.

¹⁴ *Неуймина М. Н.* Памяти Н. М. Субботиной // *Астрономический календарь. Ежегодник. Переменная часть.* 1964. М., 1963. Т. 67. С. 263.

обязана отцу, Нина Михайловна упоминала в письмах к друзьям и коллегам. В письме к Костинскому из Крыма от 9 июня 1910 г. она писала, рассказывая о своих наблюдениях кометы Галлея:

У нас на башне образовалась целая обсерватория, и я должна была читать лекции и показывать звезды – девочки не уходили раньше меня: подчас это мешало, но быть может со временем кто-нибудь из них займется астрономией, ведь и мне папа много рассказывал о звездах и показывал их в свою трубу¹⁵.

Отец Нины Михайловны Михаил Глебович Субботин (1850–1909) сыграл, по-видимому, огромную роль в жизни дочери. Сын уездного врача города Козельска, он рано остался круглым сиротой. Учился в Школе межевых топографов, затем в 1874 г. окончил Горный институт. Работал на казенных Пермских пушечных заводах, в Обществе Московско-рязанско-козловской железной дороги, в управлении Макеевских копей И. Г. Иловайского. С 1880 г. он являлся представителем Сормовских заводов в Петербурге, позже служил там инженером и, наконец, техническим директором правления Сормовских заводов. Как писал безымянный автор некролога Субботина:

При нем Сормовские заводы из небольшого сравнительно дела разрослись в огромное предприятие, задолжающее ныне до 12 тыс. рабочих. Были построены паровозные мастерские с оборудованием на 250 паровозов в год и механические мастерские для машин до 20 тыс. лошадиных сил. При нем же были сооружены в Сормове церковь, школа и больница, а небольшой поселок Сормово превратился в значительный фабричный городок с 40 000 населением¹⁶.

О матери Субботиной, к сожалению, почти ничего не известно кроме того, что она была дочерью архитектора Соколова¹⁷.

Нина Михайловна, безусловно, гордилась своей семьей, ее прошлым, гордилась своим отцом. Как-то она очень эмоционально и опять-таки к большому нашему сожалению очень кратко описала историю семьи в письме к Николаю Александровичу Морозову (1854–1946)¹⁸, видимо, дружившему с ее родителями еще до своего многолетнего заключения:

...мама с папой оба принадлежали к семье «интеллигентных разночинцев» и еще мамин прадед был писатель – конца XVIII в., сотрудник Новикова, дед – профессор МГУ. Бабушка видала в детстве Пушкина, потом Беллинского, Гоголя, принимала у себя Грановского, Кудрявцева, Рулье и др[угих] тов[арищей] ее отца. Была оч[ень] культурная. Папа вырос на

¹⁵ Субботина Н. М. Письмо к Костинскому С. К. [9 июня 1910] // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 6 об.–11.

¹⁶ Михаил Глебович Субботин (некролог) // Горный журнал, издаваемый Горным ученым комитетом. 1910. Т. 1. № 2 (февраль). С. 267.

¹⁷ Неуймина. Памяти Н. М. Субботиной... С. 261.

¹⁸ Николай Александрович Морозов (1854–1946) – знаменитый революционер-народник, проведший 25 лет в заключении, вышедший на свободу в 1905 г., почетный член АН СССР с 29 марта 1932 г.

идеях Чернышевского и так же воспитал нас. Ни тени принуждения: это был наш друг и руководитель и друг учащейся молодежи¹⁹.

Таким образом, семья матери Нины Михайловны принадлежала к старому московскому дворянству и профессуре. Семья отца, возможно, к разночинной интеллигенции. Кроме Нины Михайловны у Субботиных были еще одна дочь и четыре сына. Трое братьев Субботиных пошли по стопам отца и получили инженерное образование²⁰. В другом письме к Морозову, написанном на следующий день после смерти отца, 11 ноября 1909 г., Нина Михайловна писала: «Вы знаете, как он Вам был всегда расположен, и знаете, какой он был хороший человек; я же в нем потеряла лучшего друга своего»²¹.

Нине Михайловне исполнилось всего 15 лет, когда в 1892 г. она впервые побывала в Астрономической обсерватории Московского университета, располагавшейся на Пресне, и, по сведениям М. Н. Неуйминой, была очень хорошо принята там только что окончившим курс Московского университета Сергеем Николаевичем Блажко²². Упоминания самой Нины Михайловны об этом событии нам обнаружить не удалось, а вот о своем первом посещении Пулково она помнила очень хорошо даже через много лет. Она писала Костинскому 26 октября 1935 г.: «Как быстро бежит время: давно ли я кажется была в Пулково в 1-ый раз 30/VIII 1895 г. и Вы показывали мне Обсерваторию, а вот уже прошло 40 лет!!»²³. С тех пор и на протяжении всей своей жизни Субботина бывала в Пулково неоднократно, пользовалась материалами библиотеки, советовалась с пулковскими астрономами по поводу наблюдений и вычислений.

Начало своей научной деятельности сама Нина Михайловна относила к 1898 г.²⁴ 13 мая 1899 г. она была избрана действительным членом Русского астрономического общества²⁵. В том же году Субботина приобрела четырехдюймовый рефрактор *Reinfelder*'а и еще некоторые приборы и устроила частную обсерваторию в уже упоминавшемся нами семейном имении Соболяки

¹⁹ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 3 июля 1935 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1811. Л. 20–20 об.

²⁰ Заблоцкий Е. М. Личный состав ведомства Московского правления, Луганского завода, горных округов Европейской России, Кавказа и Царства Польского. Классные чины // Горное профессиональное сообщество дореволюционной России (см.: <http://russmin.narod.ru/bioERus16.html>) (На основании материалов книги: Заблоцкий Е. М. Деятели горной службы дореволюционной России. Краткий биографический словарь. СПб., 2004).

²¹ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 11 ноября 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 12.

²² Неуймина. Памяти Н. М. Субботиной... С. 263; Сергей Николаевич Блажко (1870–1956) – астроном, член-корреспондент АН СССР по разряду математическому (астрономия) Отделения физико-математических наук с 31 января 1929 г.

²³ Субботина Н. М. Письмо к Костинскому С. К. 26 октября 1935 г. // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 121.

²⁴ Субботина Н. М. Заявление в Президиум Академии наук СССР. 16 августа 1944 г. // АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1812. Л. 13 об.

²⁵ Состав Русского астрономического общества. Исправлен по 1 мая 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. 1901. Вып. 9. № 1–3. С. 126.

Можайского уезда Московской губернии²⁶. Устанавливать рефрактор приезжал тогда еще начинающий преподаватель Московского университета Павел Карлович Штернберг (1865–1920)²⁷. С этого времени, по словам Костинского, Нина Михайловна

усердно занималась там (в Соболяках. – О. В.), по летам, наблюдениями солнечных пятен, поверхностей больших планет, вида некоторых комет, переменных звезд и т. д. [Кроме того глазом и с помощью бинокля наблюдала некоторые переменные звезды, а также систематически, падающие звезды, преимущественно Персеиды и Леониды] (фраза зачеркнута. – О. В.). Особенно следует отметить систематические наблюдения падающих звезд (Персеид и Леонид), отчеты о которых издавались в «Bull de la Societe astr. de France» и в «Bull de la Societe Belge de l'Astronomie» (1900–1905 гг.), а затем – слишком десятилетний, непрерывный, ряд наблюдений солнечных пятен (1899–1910), целиком вошедший, как [учетный] материал в известную периодическую регистрацию явлений на Солнце Prof. Wolfer'ом в Цюрихе (Astron Mitteilungen)²⁸ и отчасти опубликованный также и в «Известиях Р. А. О.» (см. № 6 за 1902 г.)²⁹. Кроме того, в Соболяках были организованы метеорологические наблюдения, а также наблюдения [известных] светящихся облаков по просьбе проф. Покровского³⁰.

В статье, посвященной результатам наблюдений солнечных пятен и опубликованной Субботиной в «Известиях Русского астрономического общества» в 1902 г., содержится информация не только о количестве проведенных наблюдений, но и об инструментарии, с помощью которого они велись. Она пишет:

Объектив астрономической трубы имеет 3,2 дюйма в диаметре. Окуляр трубы увеличивает в 100 раз. Диаметр проектированного Солнца равен 97 сантиметрам; а его площадь 57 352 кв. миллим. Наблюдения проводились с 1-го января по 4 мая и с 1 ноября до конца декабря в С.-Петербурге, с 4-го мая по 1-е ноября (1901 г. – О. В.) в деревне Соболяки, Можайского уезда, Московской губернии³¹.

²⁶ Костинский С. К. Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной. Январь 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 1. Д. 114. Л. 2. М. Н. Неуймина относит дату приобретения Н. М. Субботиной рефрактора к 1895 г. (она пишет о 3-х дюймовом рефракторе) (Неуймина. Памяти Н. М. Субботиной... С. 264).

²⁷ Субботина Н. М. Письмо к Костинскому С. К. 31 декабря 1917 г. // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 57.

²⁸ Alfred Wolfer (1854–1931) – астроном, директор Швейцарской федеральной обсерватории в Цюрихе (1894–1926), профессор астрономии Цюрихского университета. Занимался преимущественно вопросами статистики солнечных пятен.

²⁹ Субботина Н. М. Солнечные пятна в 1901 г. // Известия Русского астрономического общества. 1902. Вып. 9. № 6–7. С. 86–89.

³⁰ Видимо, имеется ввиду Константин Доримедонтович Покровский (1868–1944) – астроном, член-корреспондент АН СССР по разряду математических наук (астрономия) Отделения физико-математических наук с 15 января 1927; Костинский С. К. Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной... Л. 2.

³¹ Субботина. Солнечные пятна... С. 86.

Здесь же Субботина отмечает: «Солнце было чисто 108 дней. Пятна наблюдались 40 дней. Всех наблюдений было 148. Остается дней пасмурных или не наблюдаемых 217»³². Результаты этих первых наблюдений были обработаны не самой Ниной Михайловной, а бароном Николаем Васильевичем Кульбарсом (1842–1905)³³. Сохранились свидетельства, что регулярные наблюдения давались Нине Михайловне нелегко. Например, 29 июля 1902 г. она писала Федченко, извиняясь за отложенный визит:

...теперь [...] мешает ясная погода – теперь веду наблюдения Персеид – это довольно утомительно и если [перенапряжешься] днем, то к вечеру никуда не буду годиться³⁴.

Где-то около 1902 г. Д. И. Менделеев пригласил Нину Михайловну (или разрешил ей) работать в обсерватории Главной палаты мер и весов. Субботина вспоминала об этом 26 января 1934 г. в письме к старому товарищу ее отца Михаилу Андреевичу Шателену³⁵:

...весной буду просить Вашего разрешения воспользоваться обсерваторией ВИМС³⁶ и произвести некоторые наблюдения, – как во времена Менделеева, когда я работала года 4 зимой. Помните? Еще до ВЖКурсов³⁷.

Надо заметить, что Менделеев одним из первых начал брать на работу в свою организацию женщин (мы говорим, конечно, о научно-исследовательских учреждениях). Ольга Эрастовна Озаровская, ставшая первой «барышней» в Главной палате мер и весов (она поступила туда в 1898 г.), писала в своих воспоминаниях, что он находил немало пользы в работе девушек, считая, что их присутствие способствует смягчению нравов³⁸, и собирался увеличить число сотрудников-женщин. Озаровская так вспоминала об отношении Менделеева к этому вопросу:

Дмитрий Иванович согласно своему намерению, высказанному еще в начале знакомства, «чтобы женщины упрочивались в Палате», продолжал это дело. Женщин было уже с десятков через несколько лет и назывались они все «барышнями»³⁹.

³² Там же. С. 89.

³³ Там же. С. 86.

³⁴ Субботина Н. М. Письмо к О. А. Федченко. 29 июля 1902 г. // СПбФ АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 7.

³⁵ Михаил Андреевич Шателен (1866–1857) – специалист в области электротехники, член-корреспондент АН СССР по Отделению математических и естественных наук (энергетика, электротехника) с 31 января 1931 г.

³⁶ Главная Палата мер и весов была реорганизована во Всесоюзный НИИ метрологии и стандартизации (ВИМС) в 1931 г.

³⁷ Субботина Н. М. Письмо к Шателену М. А. 26 января 1934 г. // СПбФ АРАН. Ф. 869. Оп. 4. Д. 746. Л. 8 об.

³⁸ [Озаровская О. Э.] Д. И. Менделеев по воспоминаниям О. Э. Озаровской. М., 1929. С. 28.

³⁹ [Озаровская]. Д. И. Менделеев... С. 47.

Надо заметить, что публикуя научные труды, выполненные в период его работы в Главной палате мер и весов, Менделеев не забывал высказывать благодарность своим сотрудникам, в том числе «барышням». Например, в статье «Опытные исследования колебаний весов», он пишет:

Перед тем как перейти к делу я должен упомянуть, что много сотен наблюдений периодов колебаний и отсчетов по шкале весов были сделаны моими друзьями и помощниками, особенно Ф. П. Завадским, В. Д. Сапожниковым, а также А. Н. Доброхотовым, К. Н. Егоровым, Мюллером, Озаровской и Эндимионовой. Их деятельное содружество сильно способствовало успеху опытов, и я много обязан им за проверку многочисленных расчетов, которые это исследование вызывало⁴⁰.

Видимо, к числу «барышень» Менделеева принадлежала и Субботина. Ее сотрудничество с Главной палатой мер и весов продолжалось как минимум до 1906 г. Так, 11 ноября 1906 г., уезжая на время в Москву Субботина писала Н. А. Морозову: «Когда я вернусь, пойдемте ко мне в Палату Мер»⁴¹; 18 ноября 1906 г. она снова писала ему: «Я кончаю свою работу, в понед[ельник] мне назначено явиться на Обсерв[аторию] в посл[едний] раз»⁴². Можно предположить, что речь здесь идет именно о работе в обсерватории Главной палаты мер и весов. Но зимой 1906 г. Субботина уже была занята на Высших женских Бестужевских курсах.

По словам М. Н. Неуйминой, Нину Михайловну приняли на ВЖК вольнослушательницей⁴³. Точную дату ее поступления на курсы установить не удалось, а вот распорядок ее повседневных занятий этого периода хорошо известен благодаря сохранившимся письмам к Морозову, в которых Нина Михайловна регулярно и подробно рассказывала о своих делах. Так, 4 октября 1906 г. она отправила ему следующую записку:

...я зайду к Вам с курсов – я теперь там начала работать с 10 у[тра] до 4 дня! Даже у Верочки еще не успела побывать, потому что затем бегу к брату на 10 л[инию] обедать и еще [позаниматься]!⁴⁴

К сожалению, ВЖК не могли полностью удовлетворить запросам Субботиной. Несмотря на то, что к началу 1900-х гг. Высшие женские Бестужевские курсы в Петербурге, организованные в 1878 г., разменяли уже третий десяток, они все еще не могли сравниться с университетами и не только потому, что их выпускницы не получали государственных дипломов. Число преподававшихся предметов здесь было меньше, чем в университетах. Например, в 1906 г.

⁴⁰ Менделеев Д. И. Сочинения в 25 т. Л.; М., 1925. Т. 25. Дополнительные материалы. С. 591.

⁴¹ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 11 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 23.

⁴² Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 18 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 21 об.

⁴³ Неуймина. Памяти Н. М. Субботиной... С. 264.

⁴⁴ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 4 октября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 11.

на ВЖК не читали лекций по теоретической астрономии, которые Нина Михайловна очень хотела послушать. Ей пришлось хлопотать через разных знакомых (в том числе Н. А. Морозова) о разрешении слушать этот курс в Петербургском университете. Александр Александрович Иванов (1867–1939)⁴⁵, видимо, читавший в тот год теоретическую астрономию в университете не был против ее присутствия, но требовалось еще разрешение И. И. Боргмана (1849–1914), недавно избранного (в 1905 г.) ректора университета⁴⁶. Нина Михайловна писала по этому поводу Морозову 11 ноября 1906 г.:

Не стеснила ли я Вас своей просьбой относительно Боргмана? Я только потом сообразила, что Вы м[ожет] б[ыть] очень мало его знаете. Если же не стеснила, то скажите, что я работаю по астр[ономии], что на курсах (Бестуж[евских]) нет лекций теоретич[еской] астр[ономии] (Жданов⁴⁷ будет читать неб[есную] механику), и что Иванов ничего против не имеет, только велел спросить у Боргмана [...] то что Иванов уже прочел я знаю, и для него делала в прошлом году вычисления, т[ак] ч[то] это ничего, что я попаду на 1/2 курса⁴⁸.

Субботина могла знать А. А. Иванова по совместной работе в Главной палате мер и весов, в которой тот работал с 1901 по 1911 гг.

Однако несмотря на то, что Субботину по-видимому уже достаточно хорошо знали в узком кругу петербургских астрономов, добиться желанного согласия оказалось не так-то легко. Через неделю, 18 ноября 1906 г., она снова писала Морозову: «Удалось ли Вам попросить за меня Боргмана?»⁴⁹ Сохранилось еще одно, недатированное письмо к нему, в котором эта тема была продолжена:

Не заботьтесь, пожалуйста, об Университете, это уже устроилось, я начала там заниматься у Жданова в Физич[еском] Институте; что касается до лекций, то Неб[есная] Механика у нас наконец появилась и нет нужды ходить за ней в Университет. Я не собиралась поступать туда вольнослушательницей, потому что и у нас все отлично поставлено, мне нужно было только разрешение на посещение лекций одного (подчеркнуто Субботиной. – О. В.) профессора, у которого не больше 10–15 челов[ек] слушателей, и который уже разрешил мне ходить на его курс. Вот и все! Теперь и этого не надо. Жданов все устроил сам и я очень, очень довольна!⁵⁰

Из всех сохранившихся писем Субботиной это – единственное, в котором сквозит такое явное раздражение. Мы остановились на этом случае так по-

⁴⁵ Иванов А. А. (1867–1939) – астроном, геодезист, метеоролог, член-корреспондент АН СССР по разряду математических наук (астрономия) Отделения физико-математических наук с 5 декабря 1925 г.

⁴⁶ И. И. Боргман сменил на этом посту А. М. Жданова, бывшего ректором Петербургского университета с 1903 по 1905 гг.

⁴⁷ Имеется ввиду профессор Александр Маркелович Жданов (1858–1914).

⁴⁸ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 11 ноября 1906 г. // АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 24–24 об.

⁴⁹ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 18 ноября 1906 г. // Там же. Л. 21 об.

⁵⁰ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. Б. д. 1906 г. // Там же. Л. 25 об.

дробно, чтобы подчеркнуть, в насколько неравном положении находились в Российской империи даже в начале XX в. мужчины и женщины, выбравшие для себя научную карьеру. То, что для поступившего в университет молодого человека было само собой разумеющимся, требовало от его ровесницы массы усилий, времени и хлопот. Тех самых усилий, которые могли быть потрачены на получение образования или на научные исследования. Неудивительно, что Субботину раздражало подобное положение вещей.

Одновременно с занятиями на Высших женских курсах Нина Михайловна добилась разрешения консультироваться у кого-то из московских астрономов, «моего профессора», как она его называла «чего, – по ее словам, – было очень, очень трудно добиться»⁵¹. К сожалению, точно установить имя «профессора» не удалось. Как мы видели ранее, к этому времени Субботина была знакома со многими московскими астрономами, в том числе с С. Н. Блажко, П. К. Штенбергом, с К. Д. Покровским, который с 1890 по 1895 г. заведовал в Москве частной обсерваторией Ф. Швабе. Но кто именно стал ее наставником неизвестно. Тем не менее это сотрудничество продолжалось достаточно долго и то радовало, то пугало Нину Михайловну. Так, 10 октября 1906 г. она пишет Морозову:

У нас это лето прошло очень тревожно – был болен мой папа и мы страшно волновались, потом ему стало лучше и мне удалось 1 месяц поработать в Москве у профессора⁵²

А вот что Субботина пишет 11 ноября 1906 г.:

Сегодня уезжаю – на поправку и на астрономическое совещание к своему профессору, этому последнему я ужасно рада и мне хочется прыгать от удовольствия!⁵³

31 марта 1907 г. она с грустью упоминает о проваленном у профессора экзамене:

Я успела побывать в Москве и в Соболяках, в Соболяках провалиться в снегу с парой лошадей, санками и тетушкой, а в Москве провалиться на обсерватории у профессора с кометой и теорией ее движения. И было то для меня гораздо горше первого!!⁵⁴

31 июля 1909 г., рассказывая Морозову о своей жизни в Соболяках Субботина пишет:

А здесь моя астрономия страдает из-за облаков: лишь сегодня ночь была ясная и я имела удовольствие наблюдать 138 метеоров! Были такие красивые! В общем вместо наблюдений приходится заниматься теорией – и это для меня привлекательно – надо хорошенько освоиться со своей наукой!

⁵¹ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 24 мая 1906 г. // Там же. Л. 3.

⁵² Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 4 октября 1906 г. // Там же. Л. 10 об.

⁵³ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 11 ноября 1906 г. // Там же. Л. 23.

⁵⁴ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 31 марта 1907 г. // Там же. Л. 29–29 об.

Профессор мой – одна прелесть и работает с ним очень хорошо, только я очень редко бываю у него – много надо сперва прочесть и усвоить по общим вопросам. Тетушки мои бранятся – говоря: «точно тебя вовсе нет на земле», – но это неправда, потому что у меня столько маленьких земных дел, что целый день летаешь от одного к другому и все-таки не успеваешь все переделать [...] (фраза неразборчива. – О. В.) – еще надо экзамен m-me Шифф⁵⁵ сдавать! Господи Боже, как мало людям жить приходится и как много сделать надобно!⁵⁶

Но кто бы ни был безымянным московским наставником Субботиной, большое влияние на развитие ее научных интересов и, прежде всего, интереса к кометной астрономии и метеорам, оказал не он, а Федор Александрович Бредихин (1831–1904), с которым Нина Михайловна познакомилась, видимо, на заседаниях Русского астрономического общества. Например, она писала Морозову 8 июля 1906 г.:

Не хотите ли принять участие в наблюдении метеоров с 27 июля до 1 авг[уста]. Надо отмечать их пути на карте и время до 1/2 минуты. Покойный Бредихин очень пропагандировал эти наблюдения, я их уже давно произвожу, иногда наблюдаю до 4-х звезд. Очень было бы желательно производить такие набл[юдения] одновременно с нескольких пунктов⁵⁷.

В 1930 г., как ей тогда казалось, на закате жизни, Нина Михайловна вспоминала о Федоре Александровиче:

Встреча с Ф. А. в Р. А. О. оставила на мне глубокий след, в том направлении – кометами и метеорными потоками я интересуюсь и теперь, но – глаза мне изменяют, и наблюдать негде. Я рада была бы очень попасть на заседание в память Ф. А., если я его не пропустила⁵⁸.

Помимо напряженных занятий на ВЖК и у московского «профессора», помимо наблюдений, проводившихся ею в Собольках и в обсерватории Главной палаты мер и весов, Субботина активно участвовала в различных астрономических событиях и проектах, затевавшихся астрономическими обществами. Так, 30 августа 1905 г.⁵⁹ Нина Михайловна наблюдала солнечное затмение в городке Бургос в составе миссии Бельгийского астрономического общества, членом которого она была⁶⁰. Само затмение и то, каким образом проводилось его наблюдение, произвело огромное впечатление на Субботину. 8 июля 1906 г. она писала Морозову:

⁵⁵ Имеется ввиду Вера Иосифовна Шифф (? –1919) – математик, преподаватель Высших женских Бестужевских курсов, автор многократно переиздававшихся сборников упражнений и задач по аналитической геометрии, дифференциальному численению и др.

⁵⁶ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 31 июля 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 5 об., 7.

⁵⁷ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 8 июля 1906 г. // Там же. Л. 7 об.

⁵⁸ *Субботина Н. М.* Письмо к Костинскому С. К. 12 декабря 1930 г. // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 118.

⁵⁹ По новому стилю; 17 августа по старому стилю.

⁶⁰ *Субботина Н.* О затмении 30 августа 1905 г. // Известия Русского астрономического общества. 1906/1907. 1907. Вып. 12. С. 14.

Если Вы увидите затмение, то поймете – какой момент можно пережить, благодаря науке. Почувствовали ли Вы из моей статьи в Руси, какой восторг я тогда переживала? Не берите на себя никакой определенной работы, чтобы насладиться вполне! Эти мгновения пролетают быстро и работая – можно пропустить их! Только теперь, для второго затмения, я хочу тренировать себя для специальной работы. Еще не знаю какой ⁶¹.

Статью Субботиной, опубликованную в газете «Русь», нам, к сожалению, обнаружить не удалось, однако даже ее статья, помещенная в сугубо научном издании «Известия Русского астрономического общества» дает представление о чувствах, владевших автором, и невольно передающихся читателям. Прежде всего следует отметить, что Нина Михайловна лукавила, намекая в письме к Морозову, что во время затмения она была простым зрителем. В статье она пишет следующее:

Мы ⁶² взяли с собой 81 миллиметровую трубу, хронометр, и предполагали отметить контакты, наблюдать белые протуберанцы и возможно тщательнее зарисовать корону. Далее мы хотели отметить направление бегущих теней, ход температуры, исчезновение окраски цветных лоскутков бумаги, видимость звезд и т. д. ⁶³

Таким образом программа наблюдений была тщательно спланирована. Помимо всего перечисленного Субботина также писала заметки о наблюдении затмения для одной из отечественных газет, возможно, для упоминавшейся выше «Руси», подробно описывая погодные условия в точке предполагаемых наблюдений ⁶⁴.

Статья, опубликованная Ниной Михайловной в «Известиях Русского астрономического общества», представляет, на наш взгляд, интереснейший источник для историков астрономии. Субботина подробнейшим образом перечислила те научные учреждения, чьи представители принимали участие в наблюдении затмения на холме Лилаила неподалеку от Бургоса, в том числе: экспедиция Мадридской обсерватории и Географического института, две голландские миссии из Утрехта и Лейдена, экспедиции Бельгийского астрономического общества, Британской ассоциации, американская ⁶⁵ и др.; а также тех, кто производил наблюдения в соседних географических пунктах, включая сам Бургос. Она подробно охарактеризовала научный инструментарий, которым была оснащена каждая экспедиция, планы наблюдений, расположение «астрономических стоянок» ⁶⁶, общую обстановку в городе накануне затмения, участие властей в организации мероприятия. Она великолепно пе-

⁶¹ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 8 июля 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 7, 7 об.

⁶² Н. М. Субботина путешествовала в компании Н. В. Субботиной и В. Д. Соболевской. Их личности, к сожалению, достоверно установить пока не удалось.

⁶³ Субботина. О затмении... С. 14.

⁶⁴ Там же. С. 17.

⁶⁵ По поводу состава английской экспедиции Субботина между прочим замечает, что в нее входило «много американок» (Субботина. О затмении... С. 16).

⁶⁶ Там же.

редала атмосферу, царившую среди ученых и обывателей накануне и в день затмения:

Наступает 30-е августа, 7 ч[асов] у[тра]. Небо ясно голубое. Яркое солнце. В гостинице нашей страшная суета, торопливо завтракают, торопливо собираются и отъезжают. Спешим и мы к своему экипажу, но кто-то уже перехватил его. Бежим пешком. Всюду лихорадочное волнение. Последние экстренные поезда подвозят сотни народу. Магазины закрыты, вся толпа на улицах, раскупаются темные стекла и очки [...] К 11-ти часам все готово. Астрономы и любители у своих аппаратов. Лилайла окаймлена линией конных альгвазилов для защиты от любопытных зрителей. Кое-где на соседних холмах тоже установлены трубы и вокруг них кучки любопытных. Город где-то там, внизу, у подошвы гор, замыкающих горизонт ⁶⁷.

Однако наибольшее внимание в статье уделено ходу астрономических наблюдений, записанному по минутам и даже секундам – точно и скрупулезно. Тем не менее, и в этом сугубо научном описании прорываются удивительно сильные эмоции автора:

13 ч. 5 м. – последнее облачко с Солнца уходит – все окрашенное в яркую радугу [...] 13 ч. 6 м. 49 с. блестящий серпик растаял, зажглись яркие протуберанцы и вспыхнула корона! О, какая красота! – Она вся белоснежная, кроткая, точно из хлопьев ваты, цветных оттенков в ней нет ⁶⁸.

Все же, восхищению и любованию отведено всего несколько мгновений: «Несколько секунд созерцания и глаз прильнул к окуляру», – пишет Субботина ⁶⁹. Завершается статья четким и ясным изложением результатов наблюдений: характера собранного материала, известий, полученных от других исследователей, показаний приборов. При этом Нина Михайловна не может удержаться и восклицает:

Неужели все это был не сон? Неужели все это мы видели здесь, на земле, – на нашей планете? Ничего обычного, знакомого! Фантастичная, сказочная картина! ⁷⁰

Из этих описаний ярко видно то чувство, с которым Субботина относилась к научным исследованиям. Это чувство, несомненно, страсть, и как всякая истинная страсть она – искренняя, неистовая и всепоглощающая. Однако можно предположить, что страстная увлеченность окружающим миром, ощущение сопричастности и сопереживания всему происходящему вообще были в характере Нины Михайловны. Так, в голодном 1906 г. она разрывается между желанием продолжать учебу и чувством долга, требующим от нее включиться в работу по оказанию помощи голодающим. 24 мая 1906 г. она пишет Морозову:

⁶⁷ Там же. С. 17–18.

⁶⁸ Там же. С. 19.

⁶⁹ Там же. С. 19.

⁷⁰ Там же. С. 20.

...меня теперь мучительно тянет сразу в две стороны – одна – это работать у моего профессора в Москве [...] – а другое – это бросить работу и ехать в Тульскую деревню – кормить ребят. И я не знаю, что мне выбрать ⁷¹

В этом конкретном случае чувство долга, по-видимому, победило, насколько можно судить из следующего письма Морозову, написанному 8 июля 1906 г. из Москвы. Упомянув о прочитанной ею морозовской книге «Заря жизни» ⁷² и его рассуждениях на эту тему, Субботина писала:

Сейчас ко всему этому примешался еще элемент жалости и тянет от науки к народу. Тянет также сильно и неотвязно, как некогда тянуло и Вас и уж совершенно не принимает во внимание доводы рассудка. Нет, я хочу и непосредственно приносить счастье людям и служить им своей наукой! Наши столовые уже закрыты, т. к. новый хлеб поспел, но сколько еще других несчастных местностей, о которых надо подумать! Не знаю – смогу ли я что-нибудь сделать для них, и для науки. Когда я жила в Тульской деревне – я была счастлива тем, что могла помочь им; а когда я занималась наукой – у меня горит душа, и я не в силах бросить ее! А знать надо так много и жизнь коротка!

И немного далее продолжает:

Недавно я получила статью американца See ⁷³ (Astr. Nachrw. 24) ⁷⁴. Upon the rigidity of the heavenly bodies) и поразила ее выводами. До какой смелости в определениях доходит этот ученый, вычисляя среднюю твердость небесных тел! Но от этих тройных интегралов мне стало страшно и взяло сомнение – дойду ли я когда-нибудь до возможности вполне понять и выполнить что-нибудь подобное? – Но я хочу, хотя от этого нет практической пользы человечеству [...] Но такие выводы окрыляют его! ⁷⁵

18 ноября 1906 г. в другом письме Морозову, рассказывая о завершении очередной работы, Нина Михайловна восклицала:

Работа моя заканчивается, но впереди раскрывается необъятная перспектива и мне почти страшно! Наука так велика, а человек такой маленький ⁷⁶.

Кажется, что Нина Михайловна торопится успеть везде. Помимо учебы, астрономических наблюдений, различных работ и пр., она посещает заседания Русского астрономического общества ⁷⁷, активно участвует в жизни Физи-

⁷¹ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 24 мая 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 3, 3 об.

⁷² Возможно, речь шла о повести Н. А. Морозова «В начале жизни», впервые опубликованной в журнале «Русское богатство» (Морозов Н. А. В начале жизни // Русское богатство. 1906. № 5. С. 76–124; № 6. С. 108–134) и изданной отдельной книгой в 1907 г. под названием: «В начале жизни. Как из меня вышел революционер вместо ученого» (М., 1907).

⁷³ Видимо имеется ввиду американский астроном Thomas Jefferson Jackson (Т. J. J.) See (1866–1962).

⁷⁴ Astronomische Nachrichten, 24.

⁷⁵ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 8 июля 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 5 об., 6, 6 об., 7.

⁷⁶ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 18 ноября 1906 г. // Там же. Л. 21 об.

⁷⁷ См., например: Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. [1907 г.] // Там же. Л. 38 об.

ческого отделения Русского физико-химического общества⁷⁸, не пропускает доклады в Русском географическом обществе⁷⁹ и в Физическом институте⁸⁰. Никакое новое начинание не проходит мимо ее внимания. Например, 30 ноября 1907 г. она пишет Морозову: «Получили ли Вы просьбу участвовать в новом Астр[ономическом] журнале и согласились ли? Я согласилась, хотя еще ничего не задумала написать»⁸¹. Она поддерживает переписку с астрономами, чьи научные интересы совпадают с ее собственными. Из письма Морозову от 31 октября 1906 г.:

На днях я получила письмо из Ташкента, Сикора⁸² пишет, что еще ровно ничего не выяснилось о затмении – кто и куда поедет!⁸³ Значит мы знаем больше его! Я ему кое-что уже написала о франц[узской] и немецкой экспедиции. Ах, как будет хорошо, если удастся и нам попасть туда! По очень многим причинам я не смею мечтать об этом, но если [...] ах, как будет хорошо!!!⁸⁴ и др.

Неудивительно, что она чувствует себя несколько ошеломленной. 29 августа 1907 г. она пишет ему же:

Мысль у меня бросается сразу на 1000 вещей, хочется писать роман, хочется работать красками, – и все это совершенно не годится для серьезной математической работы [...] Что Вы делаете, когда мысли бегут за 1000 верст?

И продолжает далее:

Хочется написать большую повесть и назвать ее «Скользящие тени» и вывести там тех людей – настоящих людей, которых Бог послал мне повстречать на пути. И хочется проследить их взаимоотношения, хочется подметить, то характерное, что есть во всех этих людях науки, искусства, литературы, и жизни наконец, но чувствуешь, что так еще мало разобралась во всем, так мало видела, что надо еще много жить и много думать, чтобы изображения всех этих «*ombres volantes*» («летающие тени» (фр.) – О. В.) нашего времени вышли жизненны и правдивы

И тут же вдруг замечает:

⁷⁸ Например: *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 11 ноября 1906 г. // Там же. Л. 27.

⁷⁹ См.: *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. [1907 г.] // Там же. Л. 38 об.

⁸⁰ См.: *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 21 января 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 1 об.

⁸¹ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 30 ноября 1907 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 37 об.

⁸² Имеется виду Иосиф Иосифович Сикора (1870–?), работавший в обсерваториях Юрьева и Ташкента. Занимался исследованием солнечных пятен, метеоров и пр. После 1917 г. эмигрировал.

⁸³ Видимо речь идет о подготовке к наблюдению полного солнечного затмения 14 января 1907 г. (1 января по старому стилю).

⁸⁴ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 31 октября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 16, 16 об.

А еще я сейчас много философствую и меня ужасно интересует Лев Толстой, очень хочется поговорить с ним самим о многом – я с ним во многом не согласна, но он меня тянет к себе. Слетать к нему в Ясную Поляну? Что Вы о нем думаете? Нравится он Вам? Поедемте вместе? ⁸⁵

Однако несмотря на все вышеперечисленное в 1907 г. Субботина уже увлечена большим новым проектом, который в письмах называет «Созвездия». Совместно с художником Пановым ⁸⁶ она, по-видимому, готовит альбом, в котором должны были быть рисунки созвездий, сопровождаемые сведениями об их возникновении, их названиях и толкованиях в разные времена и у разных народов. Таким образом Нина Михайловна впервые обращается к истории астрономии Древнего мира, начинает изучать мифологию, сохранившиеся художественные памятники и письменные источники. Знакомится с составом коллекций различных музеев, в том числе Британского музея, Эрмитажа и др. В письме от 18 ноября 1907 г. она спрашивает Морозова:

Где Вы читали о созвездиях и об их мифах? Пожалуйста, напишите! Мне непременно надо проникнуть в глубину их содержания, чтобы выяснить психологию фигур Созвездий ⁸⁷.

Нину Михайловну увлекает время, когда астрономия «еще не отделялась от искусства и не была окружена такой громадой цифр, как теперь» ⁸⁸. Она пишет А. Н. Морозову:

А мне надо выяснить ее (астрономии. – О. В.) философию, цифры для меня всегда, всегда только орудие; их одних мало мне! Мы не затрагивали с Вами этих вопросов, а они мучают и волнуют меня, я так мало понимаю астрономию и так мало смыслю в искусстве! ⁸⁹

И продолжала:

...я очень углубилась в эту задачу и она увлекательна тем, что переносит в седую древность, к самому зарождению науки [...] А пока мы с художником рисуем и рвем, составляем и отвергаем; вся астрономическая часть лежит на мне, вся художественная – в смысле грамотности вычисления и художественной интерпретации – на Панове – я теперь только подмастерье!.. Я бегаю в Эрмитаж за египетскими глазами, в Акад[емию] Худ[ожеств] за «примитивами» и пойду за медалями в Академию Наук! Страшно интересно!! ⁹⁰

Эта работа была отложена и не доведена до конца. Через несколько лет Нина Михайловна писала о причинах этого Морозову:

⁸⁵ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 29 августа 1907 г. // Там же. Л. 32, 32 об.

⁸⁶ Личность Панова установить, к сожалению, пока не удалось.

⁸⁷ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 18 ноября 1907 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 39.

⁸⁸ Там же. Л. 39 об.

⁸⁹ Там же. Л. 39 об.

⁹⁰ Там же. Л. 39 об., 40, 40 об.

...теперь не знаю – когда будет выполнена эта работа – план ее был широк, а многое помешало его осуществлению. Было задумано ознакомление с греческими, египетскими, ассирийскими и еврейскими астрономическими, астрологическими и религиозными источниками и соответствующими идеями – а ведь все тогда облекалось в мифологическую форму. Ну – я доходила уже до изучения соответств[ующих] языков и т. д., но остановилась перед ужасной сложностью задачи: ведь тут целой жизни мало – проследить общую идею и выявить ее проявления у различных народов. А сколько тут интересного и захватывающего! Как жаль, может, что я только кустарь, кустарь и кустарь во всем! – А меня так тянет к людям! Мне даже звезд мало, пот[ому] что там нет людей!! Если бы можно было, я бы непременно кроме математического ф[акультета] прошла бы еще медицинский. Сколько бы простора было для деятельности!⁹¹

Однако с тех пор интерес Субботиной к истории астрономии не ослабевал. Судя по ее письмам к Морозову, уже в 1908 г. она активно работала над книгой о комете Галлея, хотя сама комета привлекла внимание Нины Михайловны еще раньше. Примерно с 1905 г. Нина Михайловна выполняла обязанности вычислительницы в большом проекте по предвычислению появления кометы Галлея, ожидавшейся в 1910 г., предпринятой Русским астрономическим обществом⁹². Работа эта не всегда давалась легко, но неизменно увлекала Субботину:

Что касается до моих вычислений, то они приводят меня в отчаяние – где-то явная ошибка и орбита не получается, т. к. контроли не [...] (слово неразборчиво. – О. В.), а работа такая интересная и так хочется хорошо ее кончить, чтобы потом вычислять орб[иту] двойной звезды⁹³

Уже тогда при каждой случайной возможности она посещала Пулковое, случалось, даже на один день, чтобы «не пропускать лекции и никого не стеснять в Пулковое»⁹⁴; очень хотела «познакомиться и с дамским персоналом Пулкова», хотя Нина Михайловна боялась «навязывать им себя!»⁹⁵ Тем не менее это знакомство, конечно, состоялось.

При работе над книгой по истории кометы Галлея библиотека Пулковое оказалась незаменимой. 23 декабря 1908 г. она писала Морозову:

У меня за 8 дней работы в Пулковое набрался громадный материал, т. к. я просмотрела 108 брошюр, относящихся к различным появлениям кометы Галлея: – с 1531 г. по европейским наблюдениям; до 1531 г. по Китайским хроникам в переводе Wilson'a⁹⁶.

⁹¹ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 12 сентября 1912 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 35 об, 36, 36 об.

⁹² *Костинский.* Отзыв о работе Нины Михайловны Субботиной... Л. 2.

⁹³ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 31 октября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 15 об.

⁹⁴ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. Б. Д. [1906] // Там же. Л. 12.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 23 декабря 1908 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 61.

И продолжала:

Сейчас у меня много книжек из Пулкова, начиная с сочинений Галлея и кончая набл[юдениями] Джона Гершеля с замечательными рисунками. В Пулкове же я нашла еще более интересные наблюдения Струве над изменениями физического характера (подчеркнуто Субботиной. – О. В.) головы [кометы] с многими рисунками⁹⁷

В целом, если судить по описанию уже сделанного, то к концу 1908 г. Субботина проделала большую часть работы по сбору материалов для книги. Как она сама пишет:

Я же за это время прямо совершила фантастическое путешествие во времени, в духе Уэльса – с этой кометой [...] Нашла я и астрологические предсказания 1682-го года по случаю появления этой [кометы] [...] (слово неразборчиво. – О. В.), потоп, глад и мор!!!... Сверила все появл[ения] [кометы] с историческими событиями: чего только не видала эта особа с большим прошлым – Зороастр, Второзаконие, Конфуций, Нерон, Атилла, Магомет, Солиман II, Святополк, Олег Вещий, Гришка Отрепьев etc, etc!.. Срисовала даже часть гороскопа из книги Арриана 1531 года [...] есть рис[унок] Кеплера и др. Все это конечно можно бы сфотографировать, также как замечательный портрет Галлея из Пулкова [...] еще следует ознакомиться с новейшими теориями физического строения [кометы]⁹⁸.

Из этого же письма видно, что Нина Михайловна рассчитывала на помощь Морозова и видела его соавтором своей книги. Видимо, предварительная договоренность об этом была достигнута: «Весь этот материал ждет Вас и я страшно рада, что Вы со своей стороны хотите писать и желаете моего сотрудничества», – писала она⁹⁹.

В 1909 г. Субботина приступила к непосредственным наблюдениям кометы. Как она замечает в письме Морозову от 31 июля 1909 г.:

Игорь у меня на Урале, Алексей в Сибири (братья Субботиной. – О. В.) и столько интересного пишут, что просто досада – зачем я не моряк, не путешественник, и не инженер?! Ах, каким бы великолепным бродягой была бы я, если бы я не была астрономом. Но я астроном и потому сижу дома и ловлю комету, которая восходит теперь по утрам¹⁰⁰.

Осенью 1909 г. сама комета и книга о ней занимают все внимание Нины Михайловны. В октябре она узнает, что Морозов пишет свой собственный очерк о комете, но все еще надеется на сотрудничество с ним. В письме от 26 октября 1909 г. она спрашивает его:

⁹⁷ Там же. Л. 61 об.

⁹⁸ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 23 декабря 1908 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 61 об., 62, 62 об.

⁹⁹ Там же. Л. 61 об., 62.

¹⁰⁰ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 31 июля 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 6.

Быть может хотите писать отдельно очень популярную брошюру – и я тогда напишу немного по серьезнее – (для интеллигентного читателя), но мне необходимо будет Ваше дополнение по астрофизике и кометным хвостам (по Бредихину), кроме того очень бы хотелось, чтобы Вы просмотрели и исправили написанное мной.

И добавляет:

До сих пор еще не известно окончательно, будет ли комета достаточно ярка, чтобы ее видели простым глазом! Если нет, то само собой отпадает вопрос об очень популярной книжке. Для 2-ой же категории интерес сохраняется, история [кометы] Галлея слишком интересна сама по себе и теперь для нее наступило время, т[ак] к[ак] теория вполне установлена¹⁰¹.

Видимо согласие на это предложение Морозова было получено, поскольку в следующем письме от 31 октября 1909 г. Нина Михайловна обещает прислать ему написанный ею очерк через полторы недели с тем, чтобы он мог сократить его и «перечеркнуть» «как захочется». «...заранее на все согласна! – пишет Субботина и добавляет: «и напишите свое сколько захотите и как захотите!»¹⁰² Здесь же она задается вопросом, не стоит ли пригласить еще к сотрудничеству Гавриила Андриановича Тихова¹⁰³, который не так давно, в 1906 г., начал работать в Пулково. Субботина пишет:

Это хорошо, наша триада очень бы пополнилась им, потому что он, как специалист упомянет м[ожет] б[ыть] о своих будущих работах над этой кометой! – Ведь это он будет ее фотографировать и изучать спектр? – Как было бы интересно! Ведь ее еще ни разу не фотографировали, а история неизменно упоминает о необыкновенных изменениях ее вида.

И добавляет:

Только просто боюсь осрамиться в такой блестящей компании!! – Ну, так хочется написать все это и вложить свое, что верю в эту работу и тружусь над ней как могу!¹⁰⁴

И здесь же Нина Михайловна пишет слова, вынесенные нами в эпиграф настоящей статьи, поскольку с нашей точки зрения они точнее всего характеризуют отношение М. Субботиной к астрономии:

До того заморили меня астрономы своей сухостью, просто душа больше ее не выносит! Мы с Вами должны постараться хоть на этом дать почувствовать «душу живую» – в астрономии!¹⁰⁵

¹⁰¹ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 26 октября 1909 г. // Там же. Л. 8, 9, 9 об.

¹⁰² Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 31 октября 1909 г. // Там же. Л. 10.

¹⁰³ Гавриил Андрианович Тихов (1875–1960) – член-корреспондент АН СССР с 15 января 1927 г. по разряду математических наук (астрономия).

¹⁰⁴ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 31 октября 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 10, 10 об., 11.

¹⁰⁵ Там же. Л. 11 об.

К сожалению, всего через несколько дней после того, как Нина Михайловна написала процитированное нами выше письмо, полное такого искреннего энтузиазма и увлекательных творческих замыслов, в семье Субботиных произошла трагедия. 10 ноября 1909 г. умер отец Нины Михайловны Михаил Глебович Субботин: «Папа вчера умер у меня на руках, после 3 дней болезни... – писала она Морозову 11 ноября 1909 г. – Сейчас я не могу работать, потом поговорим с Вами», – завершала она это письмо¹⁰⁶. Смерть отца стала для Субботиной не только личной утратой, но и вызвала ухудшение финансового положения семьи. 15 ноября 1909 г. О. А. Федченко писала сыну из своего подмосковного имения:

Ужасно жаль Субботиных, Нину в особенности. Трудно им будет после беззаботной, роскошной жизни, жить своим трудом, разве что Сормов даст пенсию. Как бы не пришлось им продавать Собольки; капитала у них ведь почти нет¹⁰⁷.

Достаточно жесткое высказывание, но Федченко была прямолинейным человеком и не стеснялась называть вещи своими именами. Что же касается положения, в котором оказалась Нина Михайловна после смерти отца, то Ольга Александровна хорошо знала то, о чем писала, по собственному опыту. Когда-то после смерти отца и гибели мужа, оставивших ее без средств к существованию, она была вынуждена зарабатывать на жизнь, занимаясь подсчетами в земском статистическом комитете; впоследствии друзья выхлопотали ей пенсию, на которую она жила вплоть до революции 1917 г. Став всемирно известным в своей области ученым, публиковавшимся не только на русском, но и на европейских языках в наиболее престижных профессиональных изданиях, будучи членом многих научных собраний, в том числе членом-корреспондентом Императорской Академии наук, выпустив целый ряд монографий, признанных классическими, Федченко за всю свою жизнь не получила ни копейки за научную работу. У нее были все основания предполагать, что Субботина не сможет найти *оплачиваемой* работы по специальности, просто потому, что она была женщиной, и несмотря на то, что ее *бескорыстная* помощь всегда приветствовалась.

Однако если материальное положение Субботиных и ухудшилось со смертью главы семьи, то это произошло не сразу. Во всяком случае Нина Михайловна имела возможность вести прежний образ жизни и заниматься научными исследованиями не думая о заработках. Уже в феврале 1910 г. она продолжает интенсивную работу над книгой о комете Галлея. Несмотря на то, что соавторство с Морозовым по каким-то причинам не удалось, Нина Михайловна не опускает рук. Сохранилось ее письмо от 26 февраля 1910 г. Марии Васильевне Жиловой (1870–1934), сотруднице Пулковской обсерватории.

¹⁰⁶ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 11 ноября 1909 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 12–13.

¹⁰⁷ Федченко О. А. Письмо к Федченко Б. А. 15 ноября 1909 г. // СПбФ АРАН. Ф. 810. Оп. 3. Д. 1117. Л. 352 об., 353.

рии с 1895 г.¹⁰⁸, в котором она просит Жилову проверить расчеты некоей кривой, сделанные для книги и не удовлетворявшие Нину Михайловну. Завершив деловую часть письма Субботина замечает:

Приеду в Пулково – непременно собираюсь побеседовать с Вами, если найдется у Вас свободное время. – Я так рада, что наконец попала к Вам: – в будни все боялась помешать Вашей работе, а давно хотелось побеседовать с Вами¹⁰⁹.

В апреле 1910 г. книга уже в типографии. 13 апреля 1910 г. Нина Михайловна пишет Морозову:

На днях заканчивается печататься моя книга «История Кометы Галлея» (160 стр.). Т[ак] к[ак] я ее не могла кончить к сроку, то нарушила договор с издателем, чтобы быть свободной и работать спокойнее, и теперь печатаю ее на свой счет¹¹⁰.

Но печатание книги продвигается медленно. Нина Михайловна писала С. К. Костинскому 26 апреля 1910 г.:

Издатель теперь ужасно мешкает с набором и у меня еще нет новых корректур; за то время, воспользовавшись медленностью печатанья, я переделала немного 1835 г., и VIII главу. – Это кажется самое трудное, и у меня вышло совсем не то, что хотелось!.. Придется проверять по 2-ой корректуре, когда ее получу. Думаю, что теперь остались только случайные ошибки: я много раз проверяла написанное¹¹¹.

Нину Михайловну беспокоят задержки: начиная с 1909 г. книжный рынок буквально наводнен разного рода сочинениями о комете Галлея¹¹², и Субботина боится, что ее книга выйдет слишком поздно и окажется невостребованной: «Она выходит так поздно, что я очень опасаясь, что ее не станут покупать», – пишет она Морозову, что было бы особенно обидно, учитывая что, по словам Субботиной: «Работы была масса, я прямо не имела отдыха сперва с материалом, а потом с корректурами»¹¹³.

¹⁰⁸ Точная дата начала работы М. В. Жиловой в Пулково не очень понятна. В своей автобиографии она сама называет как минимум три: 1894, 1895 и 1899 гг.: «с 1-го октября 1899-го года я стала астрономом», – пишет она и, немного ниже, – «8-го июня 1895-го года я приехала в Пулковскую обсерваторию в качестве астронома» (*Жилова М. В.* Автобиография. Б. Д. // СПБФ АРАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 об.).

¹⁰⁹ *Субботина Н. М.* Письмо к Жиловой М. В. 26 февраля 1910 г. // СПБФ АРАН. Ф. 711. Оп. 2. Д. 33. Л. 1 об.

¹¹⁰ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 13 апреля 1910 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 18.

¹¹¹ *Субботина Н. М.* Письмо к Костинскому С. К. 26 апреля 1910 г. // СПБФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 1–1 об.

¹¹² Генеральный каталог Российской государственной библиотеки в Москве, получавшей обязательный экземпляр изданных в России книг, содержит около 40 названий отечественных работ, посвященных комете Галлея, опубликованных в 1909–1910 гг., и еще несколько, вышедших в свет в последующие годы (не считая переведенных с иностранных языков).

¹¹³ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 13 апреля 1910 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 18 об.

Однако, наконец, все волнения позади, и не позднее конца апреля 1910 г. ее книга «История кометы Галлея» увидела свет¹¹⁴. Нина Михайловна снабдила свою работу кратким предисловием, написанным в марте 1910 г.¹¹⁵, в котором объяснила, почему считает историю кометы Галлея заслуживающей отдельного исследования. По ее словам:

Комета Галлея явление беспримерное в истории астрономии: – мы не знаем никакой другой периодической кометы, с сравнительно коротким периодом обращения, около 77 лет, которая возвращалась бы с таким постоянством в течение уже 2-х тысяч лет, причем нам известны наблюдения слишком 25 ее появлений, – доказательство, что она всегда бывала достаточно ярка, чтобы ее могли видеть простым глазом. Интерес к ней – кроме чисто астрономического – есть интерес подлинной страницы истории человечества: по сохранившимся записям мы можем проследить степень культурности отдельных народов, с их верованиями и суевериями, увидеть, как пробуждалась мысль человека и зарождалось стремление к истине, как люди боролись и страдали за нее¹¹⁶.

Нина Михайловна написала также несколько слов о своей работе над книгой:

Разрабатывая источники, содержащие указания на появление этой кометы, мы испытывали глубокое удовлетворение, глубокий интерес. Получалось как бы путешествие во времени, более увлекательное и фантастичное, чем рассказы Уэльса, но только каждое слово и каждый факт в этом путешествии были правдивы. Нам захотелось рассказать о результатах этого изучения, передать читателю частицу того нравственного удовлетворения, которое мы испытали, но тема слишком велика, и ждет еще много, более искусного исследователя¹¹⁷.

В предисловии Субботина также кратко изложила содержание книги:

Мы расскажем – как можем и как умеем – о тех великих людях, которые оставили свой след в истории этой кометы, являющейся почти историей кометной астрономии, о древних и средневековых ученых, о юноше Галлее, который наблюдал ее, не подозревая, что она принесет ему бесмертие! Расскажем также о великом учителе и друге Галлея – Ньюtone, о котором он писал в прекрасном стихотворении: «Nec fas est propius mortali attingere divos» (Не подобает смертному ближе коснуться богов). Условия темы не позволяют нам изложить подробно содержание великого творения Ньютона, мы ограничимся краткими извлечениями из него, а затем перейдем к описанию возвращения кометы Галлея в XVIII веке и ее появления в XIX и XX веках с их новыми научными теориями, которые мы старались передать возможно проще и доступнее. Книжка наша заканчивается некоторыми выдержками из исторических документов, касающихся предполагаемых появлений кометы Галлея с VI в. до Р.Х. (пророчество

¹¹⁴ Субботина. История кометы Галлея...

¹¹⁵ Там же. С. 1.

¹¹⁶ Там же. С. 1–2.

¹¹⁷ Там же. С. 2.

Сивиллы) по 1682 г. – эпоху ее научного рождения ¹¹⁸.

Завершая краткое введение, Нина Михайловна писала с присущим ей оптимизмом и верой в возможности современной науки:

XX век, век электричества и радия, принес нам новые открытия, и окончательное решение задачи о физических свойствах явлений, наблюдаемых на кометах, быть может – вопрос ближайшего будущего [...] Можно надеяться, что и на этот раз комета Галлея поведаст нам какую-нибудь новую тайну природы, осветит нечто, чего мы не знаем, и вместе с Гершелем мы повторим: Добро пожаловать – небесная гостья! ¹¹⁹

Книга состоит из введения и семи глав. Первая глава посвящена биографии Галлея. Вторая рассказывает о подробностях открытия Галлеем собственно периодической кометы, получившей впоследствии его имя. В третьей и четвертой главах рассматривается история появления и наблюдения кометы Галлея в 1759 и 1835 гг. соответственно. Пятая – представляет собой краткий очерк механической и физических теорий кометных форм. Шестая посвящена предвычислениям появления кометы Галлея в 1910 г., описанию первых наблюдений, условий видимости и пр. Наконец, в седьмой главе содержится хронология появлений кометы Галлея начиная с VII в. до н. э. по XVII в. н. э. включительно. В книге помещены рисунки кометы, сделанные в разные исторические эпохи, кривая измерений длины периода кометы, которую Субботина попыталась продолжить вплоть до VII в. до н. э., различные чертежи, а также несколько портретов. К сожалению, обещанной в заглавии фотографии кометы нет, поскольку сделать ее не удалось. Книга написана прекрасным языком и читается на одном дыхании.

Уже в начале мая 1910 г. Нина Михайловна рассылала книжку своим друзьям. Федченко получила ее, как мы упоминали выше, 3 мая. Сохранилось письмо Субботиной Морозову от 2 мая 1910 г., в котором она спрашивает, получил ли он посланную ему книгу. В этом же письме Нина Михайловна убеждает своего корреспондента в том, что их несостоявшееся соавторство в этой работе оказалось только к лучшему:

Многоуважаемый Николай Александрович! Получили ли Вы мою книжку? Жду теперь в замен Вашу, я ее еще не видела ¹²⁰. То обстоятельство, что мы написали две книги, а не одну – только к лучшему: каждый писал как хотел и сколько хотел: Вы очень быстро, я – тщательным изучением источников; думаю, что они даже не очень похожи друг на друга? Мне же эта самостоятельная работа принесла большую пользу и внушила уверенность в самой себе и своих силах ¹²¹.

¹¹⁸ Там же. С. 2–3.

¹¹⁹ Там же. С. 3–4.

¹²⁰ Видимо речь идет о следующей брошюре: *Морозов Н. А.* Что может принести нам встреча с кометой. По поводу приближения кометы Галлея. Публичная лекция в Московском Политехническом музее 19 марта 1910 г. М., 1910.

¹²¹ *Субботина Н. М.* Письмо к Морозову Н. А. 2 мая 1910 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 16 об.

Эта новообретенная уверенность должна была быть еще больше упрочена, когда в № 4 «Известий Русского астрономического общества» за 1910 г. был опубликован превосходный отзыв С. К. Костинского. Он отметил «скромность» автора книги и отсутствие у него «претензий». Он также заметил, что труд по написанию книги потребовал от автора немало времени, и назвал тенденции, которыми автор руководствовался, «симпатичными»¹²². Костинский, сам не поленившийся выпустить небольшую брошюру, посвященную комете Галлея¹²³, отметил, что Субботина осветила в своей книге как раз те вопросы, ответы на которые были наиболее востребованы и актуальны:

Автор книжки – г-жа Субботина, давно уже занимающаяся астрономией, как ревностная любительница, поставила себе задачей, возможно полно, но вместе с тем популярно – и по хорошим источникам – проследить историю кометы Галлея, оттенив и подчеркнув, по возможности, как раз то, что нужно [...] т. е. чем именно знаменита комета Галлея в научном отношении и чему (курсивы автора. – О. В.) она научила человечество¹²⁴.

Рецензент подробно охарактеризовал содержание книги, поставив в вину автору только излишнюю скрупулезность и большое количество выписок из источников, претензия, которую нам приходилось слышать из уст практикующих ученых по отношению к историкам науки и в настоящее время:

...приводить так много выписок, для каждого появления кометы, и так подробно – вряд ли стоило? Что же касается до цитат из китайских летописей (правда – напечатанных мелким шрифтом), то они являются совершенно напрасным балластом для книжки, так как имеют интерес только для специалистов, да и то не для всех!¹²⁵

В заключение Костинский отметил следующее:

...насколько нам известно, разбираемый труд г-жи Субботиной является *первой* (курсив автора. – О. В.) астрономической научно-популярной книжкой, более оригинального и общего характера, написанной на русском языке женщиной¹²⁶.

Следует заметить, что книга Субботиной «История кометы Галлея», конечно, не является научной монографией по астрономии, но вот научной монографией по истории науки она может быть признана безо всяких сомнений.

Однако весной 1910 г. Нине Михайловне некогда было дожидаться официальной оценки ее труда: она спешила в Крым, чтобы там, в наиболее благоприятных условиях, проводить наблюдения кометы. Подробный научный отчет об этих наблюдениях был позднее опубликован в «Известиях Русского

¹²² Костинский С. К. Н. М. Субботина. История кометы Галлея // Известия Русского астрономического общества. 1910. Вып. 16. № 4. С. 163.

¹²³ Костинский С. К. К возвращению кометы Галлея. Очерк истории кометы, обстоятельства ее движения, ожидаемая яркость и условия видимости. [Николаев], 1910.

¹²⁴ Костинский. Н. М. Субботина. История кометы Галлея... С. 163.

¹²⁵ Там же. С. 165.

¹²⁶ Там же. С. 165.

астрономического общества»¹²⁷, но уже в середине июня 1910 г. Нина Михайловна писала Морозову:

Только что вернулась из Крыма, где наблюдала 1 месяц комету со своим 4-х дюймовым телескопом Рейнфелдера. Комета была яркости поразительной и огромной величины, были очень интересные и [сильные] изменения ее вида, в общем, думаю, что она была гораздо ярче, чем за 3 ее последние появления¹²⁸.

В этих словах явно видно удовольствие, испытанное наблюдателем, от увиденного зрелища, однако в письме Костинскому, написанному несколькими днями ранее, столь же явно видно недовольство ученого самим собой и своей работой:

Посылаю Вам свои наблюдения кометы (отдельно) – я старалась их выполнять как только могла лучше, но все же комета не рассказала мне больше, чем всякому другому любителю – и доставила главным образом удовольствие – полюбоваться на нее! Наблюдения свои я очень хотела проверить и сравнить с наблюдениями других лиц, но оказалось, что севастопольские астрономы вовсе не наблюдали ее и не могли мне сказать даже – когда она была всего ярче и какой длины был хвост! Мне так жалко, что я так мало была подготовлена к этим наблюдениям и так мало видела! Каждый вечер я жалела, что это не Вы [делали], а я. – Вы бы, наверное, увидели гораздо больше!¹²⁹

Конечно, подобное высказывание можно также отнести на счет желания немного польстить самолюбию коллеги-мужчины. Однако, как нам кажется, это недовольство собой было вполне искренним. В письме Костинскому от 17 ноября 1910 г. Нина Михайловна продолжает эту тему:

Ведь я очень недовольна своими наблюдениями, можно было сделать гораздо больше и лучше, но комета меня застала врасплох и не дала уловить всего того, что угадывалось в ней, – пишет она, но при этом не может не добавить, – Однако кажется наблюдения согласуются с набл[людениями] других астрономов¹³⁰.

В этом же письме Субботина благодарила Костинского за отзыв об «Истории кометы Галлея». Она писала:

Вы меня сконфузили своим отзывом о книжке, ведь в ней ужасно много недостатков и недоделанного; очень благодарю Вас за указания на ее недостатки, в будущем постараюсь избежать их! Еще раз спасибо за Ваше руководство!¹³¹

¹²⁷ Субботина. Наблюдения кометы Галлея... С. 261–274.

¹²⁸ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 15 июня 1910 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 15 об.

¹²⁹ Субботина Н. М. Письмо к Костинскому С. К. 9 июня 1910 г. // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 6, 6 об.

¹³⁰ Там же. Л. 15 об.

¹³¹ Там же. Л. 17, 17 об.

Где-то в начале 1913 г. Совет Русского астрономического общества выслушал отзыв Костинского, в котором подробно характеризовалась научная работа Нины Михайловны в целом и, особенно, ее книга «История кометы Галлея». Отзыв завершился следующим выводом:

На основании всего сказанного я прихожу к заключению, что вообще деятельность Нины Михайловны Субботиной в области Астрономии, и в частности ее последняя работа: «История кометы Галлея», представляющая ценный вклад в нашу небогатую русскую астрономическую литературу, безусловно заслуживает поощрения со стороны Русского астрономического общества и вполне достойна награждения премии имени Государя Императора (более точное название – премии имени государя императора Николая II. – О. В.)¹³².

Заслушав данный отзыв, Совет Русского астрономического общества присудил эту премию Субботиной, правда она разделила ее с еще двумя лауреатами¹³³. Для Нины Михайловны это награждение оказалось неожиданным, – она узнала о нем из газет. Судя по ее письму к Морозову, в тот момент ее гораздо больше заботили выборы в Совет Русского астрономического общества:

Прочитала в газетах, что мне Астр. Об-во присвоило премию за комету Галлея! Вот не ожидала-то этого!! Мне даже не пришлось быть на этом заседании, т. к. ведь Хвольсон заболел, а выборов не было!¹³⁴

Конечно, в благодарственном письме Костинскому она выражала положенный восторг:

Сейчас прочитала в газетах, что Астр. Об-во по Вашему отзыву присудило мне премию за книгу о комете Галлея. Было это для меня полной неожиданностью и, конечно, я обязана за нее Вам. Сердечно благодарю Вас за это! Конечно это является для меня большим поощрением и дает возможность продолжать с большей уверенностью в себе. Вы уже не раз меня одобряли и опять я обязана Вам! Спасибо!¹³⁵

Однако в письме к Федченко, написанном 5 июня 1913 г., Нина Михайловна высказала, как нам кажется, свои истинные чувства по этому поводу:

Странное чувство было у меня, когда я получала деньги премии: – люди считают, что так следует награждать, а истинная награда ведь в собственной душе, в том удовлетворении, которое было, когда писалось и работалось¹³⁶.

¹³² Костинский С. К. Отзыв о работах Нины Михайловны Субботиной // Известия Русского астрономического общества 1913/14 г. 1914. Вып. 19. С. 138.

¹³³ Ахматов В. Отчет о действиях Русского Астрономического общества с 1 марта 1912 г. по 1 марта 1913 г. // Известия Русского астрономического общества. 1913. Вып. 19. № 4 (сентябрь). С. 99–100.

¹³⁴ Субботина Н. М. Письмо к Морозову Н. А. 25 марта 1910 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1810. Л. 45.

¹³⁵ Субботина Н. М. Письмо к Костинскому С. К. 23 марта 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 708. Оп. 2. Д. 274. Л. 49, 49 об.

¹³⁶ Субботина Н. М. Письмо к Федченко О. А. 5 июня 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 61.

В рамках одной статьи мы не имеем возможности подробно рассказать о дальнейшей судьбе и научной биографии Нины Михайловны Субботиной. Она пережила революцию, потерю всего имущества включая любимую обсерваторию в Соболяках, сумела каким-то образом наладить свою жизнь, получив в 1934 г. благодаря хлопотам друзей персональную пенсию, пережила войну и эвакуацию в Туркмению, гибель многих членов семьи и ленинградской квартиры. При этом она никогда не оставляла научной работы и не изменяла интересу к истории астрономии. Лучше, чем любые слова, об этом свидетельствует одна из ее статей: «О форме корональных оболочек Солнца в древности по рисункам некоторых египетских и ассиро-вавилонских затмений», написанная в июне – июле 1941 г. и опубликованная в январском номере «Астрономического журнала» за 1943 г.¹³⁷

Изучая яркую, заполненную интенсивной деятельностью и постоянной творческой научной работой жизнь Нины Михайловны Субботиной мы были глубоко поражены, узнав из одного из найденных документов о том, что она с раннего детства была инвалидом. В девять лет Субботина перенесла тяжелое заболевание, после которого навсегда осталась с парализованными ногами, передвигаясь только на костылях, а также глухой и немой¹³⁸. Эти сведения настолько не соответствовали сложившемуся у нас ее образу, что вначале показались невероятными. Никогда Нина Михайловна не жаловалась на свое положение в письмах к друзьям и коллегам, во всяком случае в тех, которые нам удалось обнаружить, никогда не позволяла болезни помешать ее работе, будь то слушание лекций, участие в научных экспедициях или выступление с докладами. Надо сказать, что не без гордости описывала она свое первое публичное выступление, сделанное вскоре после присуждения ей премии Астрономического общества весной 1913 г., в письме к Федченко:

Да, знаете, что я в П[етербурге] сделала доклад? – Первый в своей жизни. – Записку прочел за меня председатель, а демонстрации и опыты проделала я, – с объяснениями, в которых участвовал и Морозов. Затем председатель благодарил меня от лица собрания (на доске мелом!), а потом публика хлопала, а мой экспансивный друг Морозов, при уходе с заседания публично меня расцеловал! Было очень весело и совсем не страшно, а я раньше волновалась и думала, что струшу, как в музее Ал[ександра] III, когда писала небо зеленой краской, ибо публика смотрела на картину... С тех пор меня вымуштровали астрономы на разных вычислениях [...]. А газета «Речь» поместила отчет, но я его не читала¹³⁹.

Последние годы своей жизни Нина Михайловна прожила в ленинградском Доме ученых. Там же она и умерла на 84-м году жизни 2 ноября 1961 г. К глу-

¹³⁷ Субботина Н. М. О форме корональных оболочек Солнца в древности по рисункам некоторых египетских и ассиро-вавилонских затмений // Астрономический журнал. 1943. Вып. 20. № 1. С. 13–18.

¹³⁸ См.: Шайн Г. Отзыв О научных работах Нины Михайловны Субботиной, представленный в Высшую аттестационную комиссию. Не ранее 1943 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1812. Л. 25. Об этом также пишет в своем очерке М. Н. Неуймина (*Неуймина*. Памяти Н. М. Субботиной... С. 262–263).

¹³⁹ Субботина Н. М. Письмо к Федченко О. А. 5 июня 1913 г. // Петербургский филиал архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 241. Л. 60, 61, 61 об.

бокому нашему сожалению, местонахождение ее личного архива в настоящее время неизвестно. Ниже в Приложении мы помещаем ответы Субботиной на вопросы анкеты Организационного комитета творческой конференции женщин-ученых, проводившейся 19 ноября 1936 г. в Московском Доме ученых, являющиеся единственной известной на сегодняшний день ее автобиографией.

Приложение

Автобиография и список научных трудов Нины Михайловны Субботиной¹⁴⁰

Москва

Не ранее 5 ноября 1936 г.

Оргкомиссия по подготовке Конференции просит Вас принять участие в выставке и сообщить о себе следующие сведения, необходимые для организации выставки:

- 1) Имя, отчество и фамилия – Нина Михайловна Субботина
- 2) Год рождения – 1877.25.X
- 3) Социальное происхождение – дочь горного инженера
- 4) Партийность – беспарт[ийная]
- 5) Год окончания ВУЗ'а – 1909
- 6) Ученая степень или звание и кем оно присуждено – Астронаблюдатель обсерватории Сорм[овского] Ун[иверсите]та
- 7) Научное учреждение, в котором Вы работаете – индивидуально
- 8) Ваша специальность – астрономия
- 9) Список важнейших научных работ – см. ниже
- 10) Были ли премированы, кем и за что – за книгу «История Кометы Галлея». ЛГУ. Астр[ономической] Обсер[ваторией]

Материалы для выставки, Вашу фотографию, научные труды, альбомы, изобретения – просьба направлять по адресу – Москва, Скатертный пер. д. 4/2, ном. 8. – Обком Союза ВШИНУ – тов. Рудзит.

Н. М. Субботина, астроном

Персональный пенсионер Совнаркома СССР

Оргкомиссия:

(проф. Рохлина)

Список научных трудов¹⁴¹:

1-ый: «История Кометы Галлея» (премия и зол[отая] медаль Рус[ского] Астр[ономического] Об[ществ]а).

¹⁴⁰ АРАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161. Л. 45. Не ранее 5 ноября 1936 г. На бланке Московского областного комитета Профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений. Машинопись; рукопись. Подлинник.

¹⁴¹ Восстановить полную библиографию работ Н. М. Субботиной пока не удалось.

Наблюдения Солнца с 1899 по 1925 г. с ежегодн[ыми] отчетами в рус[ских] и иностр[анных] спец[иальных] журналах.

Наблюдения падающих звезд – около 60 названий в разл[ичных] с[пециальных] журналах по разл[ичным] вопросам.

Наблюдение 3-х полных Солнечных затмений 1905 г., 1914 г., 1936 г. (отчеты экспедиций S-te' Belge d'Astronomie 1905, Рус[ского] Астр[ономического] Об[щества] 1914 и Солнечной Комиссии Академии Наук СССР 1936 г.).

Гидро-метеорологические наблюдения над разливом Волги в связи с пятнообразовательной энергией Солнца. Журнал «Волга» 1925 и «Радиотехника».

Отчеты о различных астр[ономических] наблюдениях за период с 1918 по 1936 г. в разл[ичных] периодич[еских] изданиях, рус[ских] и иностр[анных]. Сотрудничество в науч[ных] раб[отах] и т. д.